

И. В. Кузнецова, М. С. Хмелевский

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ОРИЕНТАЛИЗМАМИ, НАЗЫВАЮЩИМИ ЧЕЛОВЕКА, В РЕЧИ БОСНИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

*Чуваши́ский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия*

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы боснийского языка с семантически однотипным компонентом-антропонимом ориентального происхождения. Анализируются как устаревшие фразеологизмы, так и активно употребляющиеся в наши дни. Ввиду обширности ориентализмов как особого генетического пласта южнославянской лексики в статье анализируются заимствования, называющие человека по таким параметрам, как интеллект, титул, административные и военные должности, род занятий и т. п., частотно употребляемые в повседневной речи славянских мусульман, проживающих в Боснии и Герцеговине.

Заимствованию южнославянскими языками тематически разнообразных ориентализмов способствовали исторические события и языковые контакты. Итог пятивекового господства Османской империи на Балканском полуострове – заимствования из староосманского (старотурецкого) языка, являвшегося как языком-источником, так и (часто) языком-посредником, через который в южнославянские языки-реципиенты вошли арабизмы и персизмы. Помимо арабо-персидских элементов староосманский язык насыщен заимствованиями и из других языков. Под термином «турцизмы» обычно подразумевается лексика из староосманского, а не современного турецкого языка. Ориентальная лексика проникала в языки южных славян в основном через устный разговорный язык. В силу исторических причин наибольшее количество заимствований из турецкого языка в составе фразеологизмов наблюдается в Боснии и Герцеговине.

В статье приводятся возможные культурологические и историко-этимологические комментарии к фразеологическим единицам, толкуется значение оборотов и компонентов, входящих в них. Фразеологизмы со структурой сравнения не рассматриваются.

Ключевые слова: *фразеология, южнославянские языки, восточные заимствования, турецкий язык, литературный язык, диалекты, антропоним.*

I. V. Kuznetsova, M. S. Khmelevsky

PHRASEOLOGISMS WITH ORIENTALISMS DENOTING A PERSON IN THE SPEECH OF BOSNIAN MUSLIMS

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article considers the Bosnian phraseological units with anthroponymic orientalisms. The authors deal with both outdated phraseological units and those that are actively used nowadays. Due to the vastness of orientalisms as a special genetic layer of South Slavic vocabulary, the authors analyze the expressions that denote a person in such aspects as intellect, title, position, occupation and etc., which Slavic Muslims (those living in Bosnia and Herzegovina) frequently use in their everyday speech.

Historical events and language contacts contributed to the borrowing of thematically diverse orientalisms by the South Slavic languages. The five-century domination of the Ottoman Empire in the Balkan Peninsula resulted in borrowings from the Old Ottoman (Old Turkish) language, which became both the source language and (often) the intermediate language through which Arabisms and Persisms entered the South Slavic recipient languages. In addition to the Arab-Persian elements, the old Ottoman language is rich in borrowings from other languages. The term *Turkish* usually refers to the vocabulary of the old Ottoman rather than the modern Turkish language. Oriental vocabulary penetrated into the languages of the southern Slavs mainly through oral spoken language. Due to historical reasons, the greatest number of borrowings from the Turkish language as a part of phraseological units is observed in Bosnia and Herzegovina.

In addition to this, the authors give possible cultural, historical and etymological comments on phraseological units; show the meaning of the units and components of phraseological units. Phraseological units with a comparison structure are not considered.

Keywords: *phraseology, South Slavic languages, oriental loanwords, Turkish, standard language, dialects, anthroponym.*

Введение. Словарная дефиниция лексемы «ориентальный» (от лат. *orientalis*) – восточный, свойственный странам Востока [7, с. 351]. К ориентализмам обычно относят заимствования из тюркских, а также иранских и арабского языков [1, с. 25]. Процессу заимствования южными славянами тематически разнородных ориентализмов способствовали многовековые исторические события и тесные языковые контакты (использование турецкого языка в административной и образовательной сферах, проникновение арабизмов посредством турецкого, использование арабского языка в религиозной сфере, а также персидского языка как языка поэзии у славян, принявших в 15–17 вв. ислам) [8, с. 78]. Итог пятивекового владычества султанской Турции на Балканах – заимствования, обозначающие реалии, пришедшие вместе с принятием ислама или османской культурой и традициями в языки южнославянских народов. В наши дни «впервые делается вывод о том, что помимо традиционно принятых в науке понятий *Slavia Orthodoxa* (“православная Славия”) и *Slavia Romana* (“католическая Славия”) на Балканах с XV века начал формироваться третий мир – *SlaviaMuslim* (“мусульманская Славия”) со своим особым своеобразным и локально ограниченным менталитетом, культурой, религией и языком» [5, с. 546]. Цель нашего исследования – выявить ориентализмы, называющие человека, в составе фразеологических единиц (ФЕ) боснийцев, в средние века принявших ислам и впитавших мусульманскую культуру, а также в лингвокультурологическом ракурсе показать роль восточной лексики в формировании образности ФЕ.

Актуальность исследуемой проблемы. Язык османских турок являлся языком-источником и (часто) языком-посредником, через который в южнославянские языки-реципиенты проникли арабизмы и персизмы. Как отмечает И. А. Седакова, «наличие турцизмов – существенная черта словарей всех языков, входящих в балканский языковой союз. Изучение турцизмов, по мнению многих ученых, является одной из самых актуальных задач балканистики» [6, с. 557]. Это относится и к использованию ориентализмов в составе ФЕ, о чем пойдет речь в настоящей статье.

Материал и методы исследования. Основные лингвистические методы обработки фразеологического материала – это метод компонентного анализа, синхронно-описательный метод, а также метод лексического и фразеологического описания с приведением сравнительно-сопоставительных параллелей из других языков. Методика выборки материала включала в себя анализ не только языковых единиц, зафиксированных в разноплановых работах [12], [14], [15], [16], но и сделанных во время полевых исследований в 2007–2017 гг. записей разговорной речи жителей Сараева, Мостара, Яйце, Травника, Витеза и других населенных пунктов Боснии и Герцеговины – местах компактного проживания славяно-мусульман, где распространен так называемый «боснийский турецкий язык» [9].

Результаты исследования и их обсуждение. Язык славян-мусульман Боснии и Герцеговины уже привлекал внимание лингвистов [14], не осталась в стороне и самобытная фразеология региона [11], [13], [16], анализируемая с позиций истории и лингвокультурологии [8] и воздействия на фразеологический корпус ориентализмов – наследства присутствия на Балканском полуострове османских турок [10], [12]. Ориентализмы, называющие человека по каким-либо основаниям и являющиеся компонентами ФЕ, рассматривались на материале устойчивых сравнений [3], [4], в том числе и боснийских (по этой причине в данную работу они не вошли). Мы остановим свое внимание на наиболее частотных и употребительных в речи боснийских мусульман ФЕ, в которых присутствует компонент ориентального происхождения, называющий человека.

ФЕ с ориентализмами, называющими человека с точки зрения интеллектуальных способностей. Турцизм *budala* ‘глупец, дурак, ненормальный’ (< осм.-тур. *budala*, *büdelā*, *büdalā* < араб. мн. *buladā* от ед. *balīd* ‘глупец, дурак’) – настолько освоенная южными славянами лексема, что носители языка не воспринимают ее как заимствование, – встречается во многих ФЕ, например: *praviti se budala* ‘казаться непонимающим, наивным или неучем, притворяться непонимающим, прикидываться дураком’, (*na*)*praviti od sebe (iz sebe) budalu* ‘издеваться, надсмехаться над собой, намеренно делать из себя посмешище, дурачиться’; *glumiti budalu* ‘играть / строить из себя дурака’ (ср. макед. *se pravi budala* ‘прикидывается дурачком’); (*na*)*praviti koga budalom (od koga budalu)* ‘сделать / делать кого-н. дураком, посмешищем’, а также в переносном значении «обмануть кого-н. в открытую, очевидным способом обвести вокруг пальца». В этой связи приведем также ФЕ *šeret budala* ‘тот, кто намеренно прикидывается дурачком, чтобы можно было безнаказанно сказать или сделать то, что хочется’ (ср. образ блаженного в русской культуре. Здесь слово *šeret* употреблено в значении «хитрый, изворотливый человек, ловкач, озорник, проказник, большой шутник, весельчак» (< осм.-тур. *şerret*, *şirret* ‘драчливый, беспокойный, непослушный, упрямый’ < араб. *šärr*, *šärrä* ‘зло’ [12, с. 586])). Нельзя обойти вниманием такое устойчивое сочетание, как *dvorska budala* ‘человек, всегда являющийся объектом насмешек’ (ист. «придворный шут», а в современном переносном значении «паяц», что можно сопоставить с концептом русского юродивого и связанными с ним ФЕ *что с дурака возьмешь?*, *дуракам закон не писан*, *на дураков не обижаются* и т. п. В речи боснийцев (а также у соседних южнославянских народов независимо от вероисповедания) в разговорной речи фиксируются также и такие частотные жаргонные выражения, как *budala na kvadrat* (соответствующее шутливому разговорному рус. *дурак в квадрате* (*в кубе* – большой дурак, очень глупый) или *teška budala* (букв. ‘тяжелый’) – круглый, полный дурак (ср. рус. жарг. о человеке: *тяжелый случай*)). Частотна в современной речи боснийских мусульман (и не только) и такая ФЕ, как *ispasti budala* – глупо повести себя, неразумно поступить, чем оставить о себе впечатление как о человеке, который не знает, что он вытворяет (ср. макед. *испадна (по/нај)будала*). Приведем шутливое обыгрывание в разговорной речи глагола *ispasti* (букв. ‘выпасть’, перен. «оказаться»): *bolje ispasti budala nego iz aviona* (букв. ‘лучше выпасть (т. е. оказаться) дураком, чем из самолета’).

Для негативной характеристики умственных способностей и интеллекта человека в разговорном языке боснийских мусульман фиксируется также разговорное экспрессивное *ahmak* – глупый, ограниченный человек, глупец, дурак, безумный: *ne znati koliko ahmak* ‘абсолютно ничего не знать’. Слово *ahmak* заимствовано из старотурецкого языка, в который оно пришло из арабского (*aḥmaq* ‘глупый, слабоумный, придурковатый; глупец, ненормальный, дурак; своенравный, вспыльчивый’); оно известно многим тюркским языкам: азерб. *ахмаг*, башк., тат., уйг. *ахмак*, казах., кирг., туркм. *акмак*, кумык. *агмак*, узб. *ахмок*, чув. *ухмах* [2, с. 280]. Эта лексема встречается в языках народов бывшей Югославии, например, в сербском она зафиксирована в выражении *акмаку бре ниједан*.

Арабизм *mahnit* (< осм.-тур. *muannid* или *anūt, anūd*< араб. *mu 'ānid* 'своеправный, упрямый; упорный, настойчивый; делающий наперекор, непослушный' или *anūd* 'упрямый, делающий назло, наперекор') имеет значения 'придурковатый, слабоумный; сумасшедший, умалишенный; бешеный, взбешенный' и частотен в компаративизмах южных славян. В боснийском языковом ареале лексема зафиксирована в жаргонном *trešten mahnit* 'человек с неуравновешенным, неадекватным поведением' (где *treštav* 'оглушительный, треснутый', т. е. «не в своем уме» (ср. русск. жарг. *бахнутый*). Для пояснения модели возникновения образа с экспрессивным интенсификатором ср. серб. *трештан пијан* 'пьян вдребезги' или рус. как [пыльным (мучным)] мешком ударенный – о странном, придурковатом человеке и т. п., в которых присутствует сема удара как способа приведения человека в состояние сумасшествия, бешенства или непонимания происходящего.

ФЕ с ориентализмами, называющими человека по должностям. Османцы принесли с собой новые военную и чиновничью иерархии. С системой администрирования в эпоху османского господства связано немало титулов и должностей, часть из них вошла в состав ФЕ; обратимся к ним.

Паша – один из высоких титулов в политической системе султанской Турции и некоторых других мусульманских странах и лицо, пожалованное этим чином. В Боснии турцизм *paša* – это не только историзм (<осм.-тур. *paša* 'высокопоставленный чиновник, авторитетный гражданский и военный сановник в период Османской империи, паша'; воен. 'генерал'; морск. 'адмирал'), но и (в переносном значении) «тот, кто живет в свое удовольствие, наслаждается беззаботной жизнью», «главный в чем-л.»; в разговорном языке – слово-обращение лицам мужского пола [12, с. 217]. Благодаря расширению семантического наполнения фиксируется такая ФЕ, как *ima paša svih rasa* 'есть много разных народов и разных вероисповеданий; кого угодно'. ФЕ *biti pravi paša* 'быть очень богатым' употребляется как боснийскими мусульманами, так и сербами и хорватами: *pravi je paša* (букв. 'он настоящий паша') – живет как паша, т. е. в свое удовольствие, беззаботно.

В разговорном языке употребляется ФЕ *smarašli Ali-paša* – о человеке, забывшем обо всех своих обязанностях (вплоть до бытовых дел, например, купить кефир в магазине или сделать домашнее задание) и наслаждающемся настоящим моментом, сидя в кафе, попивая кофе или ракию (*smarašli* – производное от глагола *smarati* 'бездумно наблюдать, быть уравновешенным, спокойным, смиренным'). ФЕ связана с историческим лицом XIX в., ставшим в сознании боснийцев легендой, – Али-пашой Ризванбеговичем, принявшим ислам и получившим должность османского капитана. За помощь в подавлении боснийского восстания против Османской империи султан присвоил ему звание визиря и позволил выбрать территорию для правления. Али-паша попросил выделить из состава Боснийского пашалыка Герцеговину и сделать его новым визирем этой земли. Пожелание было исполнено, Али-паша стал полунезависимым визирем, ибо султан предоставил новому образованию большую автономию. Однако когда османские власти обнаружили, что Али-паша вынашивает планы управлять Герцеговиной независимо от Порты, он был низложен и казнен.

Далее рассмотрим ст.-осм., общетюрк. *bek / be* – родоплеменной титул, звание или чин высокопоставленного человека; *bey* – титул родоплеменной, а затем феодальной знати, а у османов слово употреблялось как название титула высших офицеров и чиновников, «господин, состоятельный человек, военный предводитель» [12, с. 122]. Слово зафиксировано в некомпаративной ФЕ *beg legne, paša ustane* (букв. 'когда бег ляжет [спать], паша встанет / проснется') с семантикой «не иметь никаких забот, быть беспечным» (ср. со строкой из «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина «царствуй лежа на боку!»).

Тюркизм *алайбег* исторически означал: 1) начальник, крупный землевладелец в санджаке, т. е. административно-территориальной единице Османской империи, в частности Бос-

нии; 2) командир военного отряда, полковник османского войска; 3) старейшина, руководитель, главный мастер эснафа, т. е. ремесленного цеха или общины (< осм. тур. *alaybeyi* – ист. ‘военная община людей, связанных одним феодальным правом на имущество, командир жандармского полка’). Прилагательное *alajbegov* ‘принадлежащее алайбегу’ (производное от турцизма *alajbeg*) встречается у боснийских мусульман в ФЕ *alajbegova slama* (букв. ‘солома алайбега’), т. е. бесхозное имущество; то, что не имеет хозяина, о чем никто не беспокоится. Эта ФЕ известна также сербам, македонцам и хорватам, но высокая частотность ее употребления и узнаваемости отмечается именно в балканских регионах компактного проживания славян-мусульман.

Прямое значение глагола *agovati* – ‘быть в статусе аги’ (от *aga* ‘зажиточный землевладелец, на которого работают другие’, ‘уважаемый турок: господин, хозяин, богатый человек’); в султанской Турции – это титул военачальника или начальника некоторых групп придворных слуг (< осм.-тур. *ağa* ‘видный, влиятельный человек, господин, землевладелец, хозяин’); исторически это звание, которое давалось некоторым офицерам; переносное значение – «бездельничать, наслаждаться жизнью в праздности», «жить в свое удовольствие, блаженствовать, пребывая в богатстве; ничего не делать». Сочетание двух глаголов-синонимов в ФЕ *agovati i blagovati* ‘бездельничать и получать удовольствие от праздности’ подчеркивает высшую степень наслаждения жизнью, удовлетворения ею, беззаботности. Приведем еще одно переносное значение турцизма *agovati* – «приказывать, распоряжаться, ожидая послушания и выполнения требований от других людей; раздавать поручения и самому блаженствовать в бездельи». Семантический компонент «ничего не делать» актуализируется в ФЕ *sa duška agovati* ‘раздать указания и пребывать в праздности’. В состав этой ФЕ входит еще один турцизм – *dušek* 1) толстая, мягкая подстилка (обычно набитая вычесанной шерстью), на которой лежат; ковер для лежания; 2) подстилка на кровати, матрац, соломенный матрац, тюфяк (< осм.-тур. *döşek* с теми же значениями). Образ восходит к традиции турецкого быта, где было и остается обычным времяпрепровождением возлежание на матрацах и коврах за чашкой чая либо с кальяном как некий вид бездумного отдыха или пребывания в философских размышлениях об абстрактных материях.

Многим народам, исповедующим христианство, известно новозаветное выражение *Кесарю кесарево* [*а Божие Богу (Богу Богово)*] – каждому по его заслугам, общественному положению, рангу – в разных вариациях (рус. *Богово Богу, а кесарево Кесарю; Божье Богу, а цареву царю*; серб. *цару цареву, а богу божје навјек и амин; цару цареву, Богу Божјие; цару цареву, нама наше; ћесарево ћесару и Божје Богу*; польск. *Cesarzowi, co cesarskie, a Bogu, co boskie* и т. д.), но только в языке боснийских мусульман наряду с *caru carevo, kralju kraljevo, bogu božje; evo caru carevo, evo bogu božije* «мы находим варианты конструкции со специфичными для рассматриваемого региона компонентами-ориентализмами <...> *agi agino, begu begovo* <...> или <...> *hadžiji hadžijino... a menitoje*» [8, с. 82].

ФЕ с ориентализмами, называющими человека в связи с мусульманскими константами. Персизм *hodža* (от осм.-тур. *hoca, hāce* < перс. *xāḡe* – ‘почетный титул мусульманина, совершившего паломничество в Мекку и Медину’; ‘человек высокого положения’; ‘великий, известный человек, выделяющийся своими способностями’; ‘праведный человек’; ‘авторитетный человек, образец для подражания; тот, с кого берут пример’, ‘богатый человек’, ‘торговец’). Исторически это слово имело терминологическое значение «высокий государственный чиновник в бывшей Османской империи; министр; губернатор края». В речи боснийских мусульман эта лексема встречается в следующих значениях: 1. а) О том, кто образован и профессионально уполномочен выступать предводителем верующих в различных религиозных обрядах; следит за религиозной жизнью в рамках джамаата; имам, эфенди; б) тот, кто образован в религиозном плане; 2. Преподаватель

мусульманского религиозного учения; преподаватель религии; 3. Тот, кто составляет записки людям, чтобы защитить их от разных болезней, сглаза, заговоров и т. п. [12, с. 173]. Переносное жаргонное значение – богатый, знатный, влиятельный человек – обыгрывается в босн. *Ili si bos, ili si hadžija* (букв. ‘или ты бос, или хаджи’), синонимичном рус. *либо пан, либо пропал*. Слово встречается на боснийском ареале в ФЕ *učiti hodžu da klanja raditi* (букв. ‘учить хаджи делать поклоны’), т. е. о том, кто делает бесполезную и напрасную работу. В этой связи следует также привести еще одну ФЕ с этим компонентом – *igra oko hodžina jorgana* (букв. ‘играет, т. е. заигрывает около одеяла ходжи’, где турцизм *jorgan* – ‘стеганое хлопковое или шелковое одеяло’). Данное устойчивое выражение употребляется в значении «соперничать с кем-либо в стремлении обмануть, оставить в дураках».

Для человека, совершающего хадж (т. е. паломничество) вместо другого, употребляется лексема *bedel* (< араб. мн. *badal* ‘замена; компенсация’, а также в переносном значении «возмещение убытка, вознаграждение за потери»). В речи боснийских мусульман это слово имеет и другое значение, ныне устаревшее, – наемник (напр., в войске). Слово встречается в таких ФЕ, как *isturiti ispred sebe bedele* (букв. ‘выдвинуть перед собой беделя’), а также *zakloniti se iza koga bedele*, т. е. в фразеологизированном значении «спрятаться за кем-либо». Перенос значения ФЕ объясняется ассоциацией «сделать что-л. важное для кого-л.», например, пойти служить (что было обычным в австро-венгерской армии) или совершить паломничество вместо кого-л.

Часть боснийских ФЕ содержит в своем составе мусульманские культурологические концепты. Так, ФЕ *ni šehid ni gazija* (букв. ‘ни шахид ни газий’) употребляется в значении «бесхарактерный человек, ничего не стоящий человек» (ср. рус. *ни то ни се, ни рыба ни мясо*). Два значения в арабском языке могут прояснить мотивировку возникновения образа этой ФЕ: *šehid* (< осм.-тур. *şehit, şehid* < араб. *šahīd* ‘свидетель, мученик, умерший, жертва’) – 1) верующий, погибший на войне, защищая ислам; 2) погибший на войне, защищая свою родину, семью, честь и т. п.; 3) тот, кто убит, казнен за что-то, будучи невиновным, невинным; мученик и *gazija* (от осм.-тур. *gāzī* < араб. *gāzīn* ‘завоеватель, захватчик; нападающий; воин’), т. е. воин за веру.

Слово *dušman* (< осм.-тур. *düşman* < перс. *došman* ‘враг, душман’) употребляется в языке боснийцев в значении «заклятый, жестокий враг; злодей, мучитель» и имеет переносную семантику «рак, опухоль». В прямом значении лексема употребляется в ФЕ *dušmanu kesu puniti* (букв. ‘душману кошелек / пакет с продуктами наполнить’), т. е. материально помогать врагу, *davati dušmanu mač (pušku, sablju)* (букв. ‘давать душману меч / ружье / саблю’) – помогать врагу своей неосмотрительностью, *potoći (dati) i crnom dušmanu* (букв. ‘помочь (дать, подать) грязному, несчастному, обездоленному врагу / душману’). Эта ФЕ употребляется в переносном значении «помочь всякому, любому, кто этого не заслуживает». Устойчивая единица с тем же компонентом фиксируется в форме *biti sam svoj dušmanin* (букв. ‘быть самому себе душманом, т. е. врагом, пришельцем, чужаком’) – эгоистично делать что-л. только для себя (ср. рус. *сам себе король*). ФЕ *nek puknu dušmani* (букв. ‘пусть треснут, исчезнут враги’) – сделать назло что-л. всем врагам, завистникам – также содержит в себе эту лексему. Вариант данной ФЕ – *nek odu svi dušmani* ‘пусть исчезнут все враги, уйдут все чужаки’. У южных славян христианского вероисповедания слово *dušmanin* имеет дополнительную сему «человек другой веры, т. е. мусульманин».

В разговорном языке и жаргоне есть ФЕ *bečki kaur* (букв. ‘венский гяур’) – хитрый, коварный, умеющий приспособиться ради собственной выгоды человек, жулик, лицемер. Образ мотивирован, вероятнее всего, историческими событиями: по Сан-Стефанскому миру, заключенному между Россией и султанской Турцией после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Босния и Герцеговина стали автономиями, но затем Австро-Венгрия сначала оккупировала их в 1878 г. по Берлинскому трактату, а позже (в 1908 г.) аннексировала эти

земли, что не могло не вызвать недовольство населения. Слово *kaur*, *kaurin* (*đaur*, *đaurin*) (< осм.-тур. *gāvur* < перс. *gabr* 'астролог, звездочет', а также 'иноверец') имеет семантику «человек немусульманского вероисповедания» (ср. рус. *зюур*).

Выводы. Вышеизложенный и прокомментированный с лингвистической и культурологической точек зрения языковой и фразеологический материал демонстрирует, как заимствования из ориентальных языков проникали через турецкий в южнославянские, в частности в речь славян, принявших ислам. У последних частотность употребления ориентализмов выше, чем у соседних народов, исповедующих другие религии. Несмотря на то что некоторые проанализированные в статье ФЕ фиксируются также в сербских, хорватских и македонских лексикографических источниках, их узнаваемость и широта использования в живой разговорной речи типична именно для языка боснийских мусульман. А лексика, застывшая в ФЕ, ярко иллюстрирует факт проникновения османской культуры, ее обычаев, традиций и реалий в быт народов Южной Славии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушеева А. И. Еще раз об ориентализмах // Материалы научной конференции ТГГПУ. – Казань : Изд-во ТГГПУ, 2006. – С. 23–27.
2. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1964. – 355 с.
3. Кузнецова И. В. Ориентализмы-антропонимы в южнославянских устойчивых сравнениях // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Т. 64, № 1. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 2019. – P. 71–83.
4. Кузнецова И. В. Ориентализмы-названия титулов и должностей в устойчивых сравнениях южных славян (на фоне других языков) // *Slavia: Časopisproslavanskoufilologii*. – 2019. – Т. 88, № 4. – P. 432–439.
5. Савченко А. В., Хмелевский М. С. Босния и Герцеговина – исторический мост между балканскими культурами, религиями и нациями // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 546–560.
6. Седакова И. А. Балканизмы и турцизмы: новые подходы к проблеме // *Славянский альманах*. – 2014. – № 2013. – С. 553–562.
7. Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1988. – 608 с.
8. Хмелевский М. С. Отражение истории, культуры и традиций Боснии в языке и фразеологии // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 2015. – Т. 60, № 1. – P. 79–86.
9. Čaušević E. 'Bosanski' turski i njegova autentična obilježja // *Prilozi za orijentalnu filologiju*. – 1991. – Vol. 41. – S. 385–394.
10. Solak E., Bašić M. Motiviranost značenja turskih i bosanskih somatskih frazema koji se povezuju s čovjekovim osobinama // *Književni jezik*. – 2019. – Vol. 30. – S. 301–328.
11. Šehović A. Društveno-politička stvarnost – izvorište nastanka novih frazema u kolokvijalnom bosanskom jeziku // *Pismo*. – 2005. – Vol. I–II/1. – S. 109–115.
12. Šehović A., Haverić Đ. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika. – Sarajevo : Filozofski fakultet, 2017. – 269 s.
13. Šiljak-Jesenković A. Nad turskim i bosanskim frazikonom: semantički, sintaktički, lingvostilistički i sociolingvistički aspekt. – Sarajevo : Orijentalni institut u Sarajevu, 2003. – 324 s.
14. Škaljić A. Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine. Т. 1–2. – Sarajevo : Institut za proučavanje folklor: Dopunska izdanja, 1957.
15. Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. – Sarajevo : Svjetlost, 1966. – 662 s.
16. Tanović I. Frazeologija bosanskog jezika. – Zenica : Dom štampe, 2001. – 160 s.

Статья поступила в редакцию 31.08.2020

REFERENCES

1. Busheeva A. I. Eshche raz ob orientalizmah // *Materialy nauchnoj konferencii TGGPU*. – Kazan' : Izd-vo TGGPU, 2006. – S. 23–27.
2. Egorov V. G. Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. – 355 s.

3. *Kuznecova I. V.* Orientalizmy-antroponimy v yuzhnoslavjanskih ustojchivyh sravneniyah // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – T. 64, № 1. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 2019. – P. 71–83.
4. *Kuznecova I. V.* Orientalizmy-nazvaniya titulov i dolzhnostej v ustojchivyh sravneniyah yuzhnyh slavjan (na fone drugih yazykov) // *Slavia: Časopisproslavoslavskoufilologii*. – 2019. – T. 88, № 4. – P. 432–439.
5. *Savchenko A. V., Hmelevskij M. S.* Bosniya i Gercegovina – istoričeskij most mezhdubalkanskimi kul'turami, religijami i nacijami // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. – 2020. – T. 11, № 3. – S. 546–560.
6. *Sedakova I. A.* Balkanizmy i turcizmy: novye podhody k probleme // *Slavyanskij al'manah*. – 2014. – № 2013. – S. 553–562.
7. *Slovar' inostrannyh slov*. – 15-e izd., ispr. – M. : Russkij yazyk, 1988. – 608 s.
8. *Hmelevskij M. S.* Otrazhenie istorii, kul'tury i tradicij Bosnii v yazyke i frazeologii // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 2015. – T. 60, № 1. – R. 79–86.
9. *Čaušević E.* 'Bosanski' turski i njegova autentična obilježja // *Prilozi za orijentalnu filologiju*. – 1991. – Vol. 41. – S. 385–394.
10. *Solak E., Bašić M.* Motiviranost značenja turskih i bosanskih somatskih frazema koji se povezuju s čovjekovim osobinama // *Književni jezik*. – 2019. – Vol. 30. – S. 301–328.
11. *Šehović A.* Društveno-politička stvarnost – izvorište nastanka novih frazema u kolokvijalnom bosanskom jeziku // *Pismo*. – 2005. – Vol. I–II/1. – S. 109–115.
12. *Šehović A., Haverić Đ.* Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika. – Sarajevo : Filozofski fakultet, 2017. – 269 s.
13. *Šiljak-Jesenković A.* Nad turskim i bosanskim frazikonom: semantički, sintaktički, lingvostilistički i sociolingvistički aspekt. – Sarajevo : Orijentalni institut u Sarajevu, 2003. – 324 s.
14. *Škaljić A.* Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine. T. 1–2. – Sarajevo : Institut za proučavanje folkloru: Dopunska izdanja, 1957.
15. *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. – Sarajevo : Svjetlost, 1966. – 662 s.
16. *Tanović I.* Frazeologija bosanskog jezika. – Zenica : Dom štampe, 2001. – 160 s.

The article was contributed on August 31, 2020

Сведения об авторах

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: irinak47@yandex.ru

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: chmelevskij@mail.ru

Author information

Kuznetsova, Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Pedagogics and Methods of Primary Education, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: irinak47@yandex.ru

Khmelevsky, Mikhail Sergeevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: chmelevskij@mail.ru